

Азбука
PREMIUM

Книги
Жозе Сарамаго
в серии
«Азбука Premium»:

Слепота

Евангелие от Иисуса

Перебои в смерти

История осады Лиссабона

ЖОЗЕ САРАМАГО

История осады Лиссабона

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.134.3
ББК 84(4Пор)-44
С 20

José Saramago
HISTÓRIA DO CERCO DE LISBOA
Copyright © The Estate of José Saramago, Lisbon 1989

All rights reserved
Published by arrangement with Literarische Agentur Mertin Inh.
Nicole Witt e K. Frankfurt am Main, Germany

Перевод с португальского Александра Богдановского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерий Гореликова

Сарамаго Ж.

С 20 История осады Лиссабона : роман / Жозе Сарамаго ; пер. с порт. А. Богдановского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-09729-2

Жозе Сарамаго — один из крупнейших писателей современной Португалии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года, автор скандально знаменитого «Евангелия от Иисуса».

Раймундо Силва — корректор. Готовя к печати книгу по истории осады мавританского Лиссабона в ходе Реконкисты XII века, он, сам не понимая зачем, вставляет в ключевом эпизоде лишнюю частицу «не» — и выходит так, будто португальская столица была отвоевана у мавров без помощи крестоносцев. И вот уже история — мировая и личная — течет по другому руслу, а сеньора Мария-Сара, поставленная присматривать над корректорами во избежание столь досадных и необъяснимых ошибок в будущем, делает Раймундо самое неожиданное предложение...

Впервые на русском.

УДК 821.134.3
ББК 84(4Пор)-44

© А. Богдановский, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09729-2

Посвящается Пилар

Пока не постигнешь истину, не сумеешь
исправить ее. Но пока не исправишь —
не постигнешь. Так что — не смиряйся.

Из Книги Наставлений

Сказал корректор: Этот значок вымарки, по-латыни — *делеатур*, ставится, как явствует из самого названия, когда надо убрать, удалить, уничтожить отдельную букву или целое слово. Напоминает змею, которая укусила себя за хвост, да тут же и раскаялась. Верно подмечено, господин автор, ведь и в самом деле — как бы ни опротивела жизнь, перед шагом в вечность даже змея призадумается. Покажите, пожалуйста, еще раз, только медленно, как вы это делаете. Да вот так, это же очень просто, ничего не стоит наловчиться, кто смотрит невнимательно, решит, что моя рука рисует порочный круг, но нет, видите, я не оборвал движение в той точке, откуда начал, а пошел вбок, внутрь, и теперь поведу вниз, пока не пересеку нижнюю часть кривой, так что вам покажется, будто это всего-навсего заглавная Q. Жалко, рисунок обещал больше. Удовольствуемся иллюзией сходства, и, выйдя на философское обобщение, скажу вам, господин автор, как на духу, что если есть в жизни хоть что-то интересное, то это именно различия. Какое отношение это имеет к издательской корректуре. Господа авторы витают в заоблачных высях и не тратят драгоценную мудрость на всякую ерунду, вроде увечных, калечных, переставленных букв, как определяли мы их во времена ручного набора, когда различие и ошибка значили одно и то же. Признаю, что правлю не по правилам, строчу свои каракули как бог на душу положит, доверяю проницательности наборщиков,

боковой ветви славного эдипова племени провизоров, способных разгадать на рецепте даже то, что еще не написано. А потом — корректорам, приходящим на помощь. Ну да, вы ведь наши ангелы-хранители, вам мы вверяем свой труд, и вот вы, к примеру, напоминаете мне мою трепетную матушку, которая в детстве причесывала и перечесывала меня снова и снова, чтобы пробор был как по линейке. Спасибо за сравнение, но если ваша матушка уже покинула этот мир, хорошо бы вам теперь самому взяться за совершенствование, всегда ведь наступает день, когда исправление должно идти вглубь. Исправлять-то я исправляю, но справляюсь с наибольшими трудностями быстро и легко — просто пишу одно слово поверх другого. Это заметно. Отчего такой неприязненный тон, ведь в пределах своей компетенции я делаю, что могу, а кому на свете удастся сделать, что может. Большого от вас никто и не требует, особенно если — как в вашем случае — отсутствует вкус к переменам, удовольствие от новизны, тяга к правке. Авторы правят бесконечно, мы никогда не бываем довольны. Что же вам еще остается, если учесть, что совершенство обитает исключительно в горних высях, но наша правка — это дело другое, непохожее на ваше. Не хотите ли вы сказать, что секте корректоров нравится то, что она делает. Нет, так далеко я, пожалуй, не решаюсь зайти, все же это зависит от призвания, а корректор по призванию — это неизученный феномен, но все же в тайная тайных души мы, корректоры, весьма сладострастны. Первый раз слышу о таком. Каждый новый день приносит новые горести и радости, а кроме них, дает нам полезные уроки. Основывается на собственном опыте. Вы про уроки. Я про сладострастие. Разумеется, на собственном, должен же у меня быть хоть какой-то, но наблюдения за другими людьми учат морали не менее основательно. Применив этот критерий к иным писателям прошлого, увидим, что они и корректоры были великолепные,

стоит лишь вспомнить гранки романов Бальзака, например, какой же это ослепительный фейерверк исправлений и добавлений. Упомяну, дабы не обойти молчанием отечественные примеры, что наш, тутошний Эса¹ делал то же самое. Мне пришло в голову, что и Бальзак, и Эса стали бы счастливейшими из смертных, окажись они перед компьютером, ведь на нем так удобно вставлять, переставлять, убирать, восстанавливать слова и менять местами целые главы. Но мы, читатели, никогда бы в таком случае не узнали, по каким путям они шли, в каких дебрях блуждали, прежде чем их мысль облеклась в определенную и окончательную форму, если, конечно, таковая вообще бывает на свете. Ну-ну-ну, важен в конечном счете лишь результат, и нам мало чем пригодятся сомнения и пробы Данте или Камюэнса. Вы, господин автор, рассуждаете как человек современный, человек практический, человек, живущий уже в двадцать втором веке. А скажите-ка лучше, у других корректурных знаков тоже есть латинские названия, как у этого *делеатура*. Если даже есть или были, я о них ничего не знаю, не прижились как-то или звучали так замысловато, что язык сломаешь, а потому исчезли. Во тьме времен. Простите, что возражаю вам, но я бы не стал употреблять это выражение. Потому, вероятно, что это клише. Вовсе нет, клише, штампы, устойчивые словосочетания, расхожие выражения, общие места, присловья и поговорки могут звучать свежо и неожиданно, просто надо уметь правильно пользоваться ими — такими, каковы они были и каковы стали. Почему же в таком случае вы не сказали бы во тьме времен. Потому что тьма времен рассеялась, когда люди начали писать или, повторяю, править написанное, ибо это другой уровень совершенства и преображения. Хорошо сказано.

¹ Эса де Кейрош Жозе Мария (1845–1900) — португальский писатель, представитель критического реализма. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Вот и мне так кажется, и главным образом потому, что сказано впервые, повторение было бы уже не столь удачно. Превратится в банальность. Или в трюизм, выражаясь по-ученому. В ваших словах мне чудится некий горький скептицизм. Скорее уж скептическая горечь. Разница невелика. Невелика, но существенна, обычно писатели чутко улавливают такие различия. Значит, я неловок и нечуток, а вернее, тугоух. Простите, я сказал без умысла. Что вы, я хоть и нечуток, но не столь уж чувствителен, так что продолжайте, но сперва скажите, откуда этот скепсис или, если угодно, горечь. Окиньте мысленным взором корректорские будни, господин автор, вдумайтесь, какая это трагедия — по два, три, четыре, по пять раз читать книги. Которым и одного-то раза много. Прошу заметить, столь ужасные слова произнес не я, ибо хорошо знаю свое место в мире литературы, а сам хоть и сладострастник, но сладострастник, преисполненный уважения к. Не вижу тут ничего ужасного, но мне показалось, что в концовку вашей фразы, столь красноречиво оборванной, мои слова просто напрашиваются. Хотите увидеть — отправляйтесь к авторам, подстрекните их полуфразой моей и полуфразой вашей и услышите в ответ знаменитую басню про Апеллеса и сапожника, который указал художнику на неправильно выписанный башмак, а потом, убедившись, что упущение исправлено, немедленно высказался и по поводу анатомии колена. Вот тогда и произнес рассерженный такой дерзостью Апеллес свои бессмертные слова, попросив его судить не свыше, так сказать, пределов своей компетенции. Дело известное, кому же понравится, когда к нему в дом заглядывают через забор. В данном случае Апеллес был прав. Может быть, но лишь до тех пор, пока не взглянет на полотно человек, сведущий в анатомии. Удивительный вы все же скептик. В каждом авторе сидит Апеллес, но искушение стать сапожником чрезвычайно распространено среди людей, и, в конце концов, только корректор знает, что правка — это

работа, которая не иссякнет в мире никогда. А часто ли вас, пока работали над моей книгой, охватывало такое искушение. Возраст уж тем хорош, впрочем тем и плох, что смиряет наши порывы, и даже самые сильные искушения теряют свою остроту и не требуют, чтоб им уступили безотлагательно. Иными словами, вы заметили погрешность по части обуви, но смолчали. Нет, скорей уж — не высказался по поводу неправильно нарисованного колена. Вам понравилось. Понравилось. Как-то не слышится восторга в ваших словах. Да и в ваших, признаться, тоже. Это тактика, ибо автор, чего бы ему это ни стоило, должен изображать скромность. Скромность должна быть присуща корректору, но если однажды он позволит себе отринуть ее, то тем самым вынудит себя стать верхом совершенства в образе человеческом. Приглядитесь к этой фразе — себе, себя, быть присуща; согласитесь, это нехорошо, громоздко и коряво. В речевом потоке вполне простительно. Может быть, но непростительна скупость вашей похвалы. Хочу напомнить, что корректоры — люди исключительно трезвомыслящие и всего-всего навидевшиеся и в жизни, и в литературе. В свою очередь хочу напомнить, что моя книга — это история. Да, по классической жанровой классификации следовало бы определить ее именно как исторический труд, и, хоть и не хочется снова перечить вам, дорогой автор, возьму на себя смелость заявить — все, что не жизнь, то литература. История тоже. История прежде всего, только не обижайтесь. А живопись, а музыка. Музыка сопротивляется с момента своего появления на свет, бьется, мечется туда-сюда, хочет освободиться от слова, оттого, полагаю, что завидует ему, но неизменно приводится к покорности. А живопись. А живопись — вообще не более чем литература, созданная кистью. Надеюсь, вы не забыли, что человечество начало рисовать задолго до того, как научилось писать. Знаете поговорку — за неимением гербовой пишут на простой, а иными словами, если не умеешь писать — рисуй, как делают дети. Ваши слова значат, что литература

существовала еще до своего рождения. Именно так и в точности как человек, который существует, еще не став существом. Своеобразный взгляд. Да нет, дорогой автор, еще царь Соломон, живший столько лет назад, утверждал, что нет ничего нового под солнцем, и если это признавалось даже и в те отдаленнейшие времена, что уж говорить сейчас, по прошествии, если мне не изменяет моя энциклопедическая память, тридцати веков. Забавно, вот спроси меня — историка, между прочим, — так вот, внезапно, в лоб, что там было столько лет назад, я, пожалуй, не вспомню. Такое уж свойство у времени, оно бежит, а мы не замечаем, ибо погружены в наши повседневные заботы, а потом вдруг спохватываемся и восклицаем: Господи, вот ведь как время-то бежит, уж три тысячи лет прошло, а царь Соломон еще жив. Сдается мне, вы ошиблись со своим призванием, вам бы философом быть или историком, есть у вас для этих ремесел нужные качества. Образования не хватает, а куда ж человеку податься без образования, спасибо уж и на том, что, придя в этот мир хоть и с недурными наследственными свойствами, но бревно бревном, я все же потом самую малость пообтесался и усвоил кое-какие начатки того-сего. Можете считать себя примером самоучки-самородка, достигшего успеха благодаря собственным благородным усилиям, и стыдиться тут совершенно нечего, в былые времена общество гордилось такими. Былые времена быльем поросли, развитие остановилось, на самоучек ныне смотрят косо, длить бытие в этом статусе позволено лишь тем, кто сочиняет стихи и забавные истории, им повезло, а вот я, признаюсь вам, никогда не тяготел к литературному творчеству. Нет, все же вам, знаете, прямая дорога в философы. Ваш юмор, господин автор, так искрометен и тонок и во всем так главенствует ирония, что я не понимаю, почему вас понесло в историю, это ведь такая серьезная и глубокая дисциплина. Ироничен я только в реальной жизни. Мне отчего-то определенно кажется, что история —

это не реальная жизнь, а так, литература, и ничего больше. Но история была реальной жизнью в те времена, когда ее еще нельзя было назвать историей. Вы уверены. Ей-богу, вы просто вопрошание на двух ногах и сомнение о двух руках. Только головы и не хватает. Всему свой черед, мозг был изобретен в последнюю очередь. Вы настоящий ученый. Дорогой мой, не надо преувеличивать. Хотите взглянуть на последнюю вычитку, которую мы называем сверкой. Да нет, пожалуй, это ни к чему, авторская правка внесена, а прочее — это рутинное корректорское дело, вам его и вверяю. Благодарю за доверие. Оно вполне заслуженно. Так, значит, вы, господин автор, полагаете, что история и реальность — это. Полагаю. Вы хотите сказать, что история некогда была реальной жизнью. Даже не сомневайтесь. Что было бы с нами, не будь изобретен значок вымарки, вздохнул корректор.

Он проснулся, когда отличие ночи от рассвета, едва обозначившись в восточной оконечности неба, заметно было бы лишь глазу, тысячекратно превосходящему зоркостью тот, что дарован природой. Муэдзин всегда, и зимой и летом, просыпался в этот час вместе с солнцем, не нуждаясь ни в каких приспособлениях для измерения времени, довольно было, чтобы почти неуловимо изменилась темнота в комнате, чтобы кожи на лбу еле заметно коснулось предчувствие света, подобное легчайшему дуновению, скользнувшему вдоль бровей, или ласке первых, почти неощутимых прикосновений, искусством которых — тайным, не сравнимым ни с чем — владеют, как он знал или верил, одни только красавицы-гурии, ожидающие правоверных в мусульманском раю. Тайна же, а также непостижимое чудо — в том, что эти красавицы наделены волшебным свойством возвращать себе утраченную невинность, и в этой их бесконечной способности восстанавливать девственность, едва ее утратив, и заключается, надо думать, высшее блаженство жизни вечной,

что со всей убедительностью подтверждает — с окончанием жизни земной не кончаются труды ни свои, ни чужие, равно как и незаслуженные страдания. Муэдзин не открывал глаз. Он позволил себе полежать еще сколько-то, пока солнце медленно, очень медленно приближалось к горизонту, и так далеко еще было до восхода, что ни один петух не приподнял голову, чтобы не пропустить движений наступающего утра. Залаяла, правда, собака, но никто не отозвался, сородичи ее спали и, быть может, видели во сне, что лают. Это сон, думали они и продолжали спать, а со всех сторон подступал к ним мир, населенный запахами, и все они будоражили, но ни один не будил, потому что не было среди них того, который не спутаешь ни с чем, который несет в себе угрозу и внушает страх. Муэдзин поднялся, нашарил в темноте одежду, натянул ее и вышел из комнаты. Безмолвие стояло в мечети, и только гулко отдавались под ее сводами нетвердые шаги, шаркающие шаги человека, который ступал так осторожно, словно опасался, что пол разверзнется под ногами и поглотит его. Ни в один другой час дня или ночи не чувствует муэдзин такой жгучей тоски, как в этот — в рассветный час, когда собирается подняться по лестнице на минарет и призвать правоверных к первой молитве. В суеверном воображении предстает ему его тягчайшая вина и видится, как солнце уже поднялось над рекой, а жители продолжают спать, но вдруг, внезапно и грубо разбуженные ярким светом, они вскакивают и криками вопрошают, где муэдзин, отчего он не подал голос в должный час, а кто-нибудь самый жалостливый говорит: Должно быть, заболел, но нет, не заболел, а исчез, провалился сквозь землю и ушел вглубь ее по воле повелителя тьмы. По винтовой лестнице взбираться трудно, тем более что муэдзин уже стар, но, по счастью, ему не нужно завязывать глаза, как вертящим мельничным жернов мулам, чтобы голова не кружилась. Добравшись доверху, он ощутил

свежесть утра и подрагивание зарождающейся зари, еще лишенной цвета, которому неоткуда было взяться у этого чистого свечения, что, предшествуя дню, проскальзывает по коже легчайшей дрожью, подобной нежному прикосновению чьих-то невидимых пальцев, и это единственное в своем роде ощущение наводит на мысль, что божье творение в конечном счете и для вящего посрамления скептиков и неверующих — это насмешливый исторический факт. Муэдзин медленно провел рукой вдоль полукруглого парапета, нащупал выбитую на камне метку, обозначающую, в какой стороне Мекка, священный город. Теперь он был готов. Выждал еще несколько мгновений, чтобы солнце успело раскинуть по прилавкам земли первые лучи, прокашлялся, прочищая горло, ибо умение сзывать правоверных на молитву должно чувствоваться с первого же звука, сразу, а не когда глотка уже умягчена трудами говорения и отрадой еды. Город простирается у ног муэдзина, а чуть ниже — река, и всё вокруг еще объято сном, но сном беспокойным. Когда же над кровлями начинает ворочаться утро, а водная гладь становится отражением небесной тверди, муэдзин, вдохнув глубоко, испускает нестерпимо пронзительный крик: Аллаху акбар, возвещая всему свету о величии Бога, и потом снова и снова повторяет свой восторженный вопль, берет мир в свидетели того, что нет Бога, кроме Бога, и что Магомет пророк его, и, провозгласив эти основополагающие истины, призывает стать на молитву, но, будучи сам человеком по природе ленивым, хотя и свято верующим в могущество Того, Кто не спит никогда, мягко журит людей, еще не поднявших тяжелые веки: Молиться лучше, чем спать, и повторяет для тех, кто на этом языке понимает лучше: Ассаляту хайрун минан-наум, снова возвещая, что Аллах есть единственный Бог, Ля-иляха илля Ллах, но на этот раз только один раз, ибо и одного раза довольно, когда речь идет о таких непреложных фактах. Город бормочет

молитву, солнце бьет в бельведеры, и скоро во дворах появятся жители. Минарет уже освещен сверху донизу. Муэдзин слеп.

Историк в своей книге описал это не так. Он лишь упомянул о муэдзине, поднявшемся на минарет и оттуда созвавшем правоверных на молитву в мечеть, не уточняя, утром ли было дело, в полдень или на закате, а не уточняя потому, что, по его мнению, мелкие подробности не могут и не должны быть интересны истории и призваны лишь внушить читателю — автор сведущ в тогдашних реалиях достаточно, чтобы сведения его заслуживали доверия и доверие вызывали. Скажем же ему спасибо за это, поскольку сочинение его, посвященное войне и осаде и неотъемлемым от них мужеству и доблести, свободно от водянистых описаний молитвы, каковые из всех перипетий сюжета послушней всего, ибо в них предстает человек не сражающийся, а просящий милости и, значит, сразу сдавшийся. Впрочем, не оставляя без должного внимания и ту историю, которая идет вразрез с этим противопоставлением битвы и молитвы и весьма уместна, благо и дело происходило в не столь уж давние времена, и живы еще были многочисленные и просвещеннейшие свидетели, да, так вот, более чем знаменитую историю о чуде в Оурике¹, где Христос явился португальскому королю, крикнувшему ему, меж тем как все войско пало ниц и стало молиться: Неверным, Господи, неверным яви себя, а не мне, я-то верую в Твое могущество, однако маврам Христос явиться не пожелал, и очень жаль, что не пожелал, потому что в этом случае можно было бы внести в эти анналы не жесточайшее кровопролитие, а чудесное обра-

¹ 25 июля 1139 г. на юге Португалии, в долине между городами Кастро-Верде и Оурике, португальская армия принца Афонсо Энрикеса (Альфонса I) разбила мавританское войско под предводительством Али ибн Юсуфа. С этого момента Португалия фактически уже не феодальный удел Кастилии, а независимое государство.

щение полутора ста тысяч варваров, которые при таком раскладе сохранили бы жизни и не поспособствовали бы столь чудовищному, поистине вопиющему расточительству душ. Но произошло то, что произошло, не всего можно избежать, Господь легко обходится без наших добрых советов, однако у судьбы имеются свои неколебимые законы, да порой еще и с неожиданными художественными эффектами, одним из коих сумел некогда воспользоваться Камознс, не просто испустивший горячечный вопль, но и уложивший его без зазоров в бессмертное полустипище¹. Лишний раз подтвердилось, что в природе ничего само собой не возникает и ничего не пропадает, но все в дело идет.

Какие славные были времена прежде, когда для удовлетворения чаяний нам довольно было обратиться к высшим силам с правильно составленной просьбой, и это действовало и в самых сложных случаях, даже если страждущий, или, иначе говоря, терпящий бедствие, терпение свое готов был уже потерять вместе с надеждой на спасение. Примером может служить вышеупомянутый король, который, появившись на свет с недоразвитыми ногами, или, как сказали бы мы теперь, с атрофией нижних конечностей, чудодейственно исцелился, причем без вмешательства лекарей, ибо если даже и было оно, вмешательство, то ничему не помешало, да и не помогло. Более того, не осталось никаких свидетельств, что он, будучи, несомненно, привержен реальности, обратился к заступничеству наивысших сил, под коими мы имеем в виду Пречистую Деву и Господа, или хотя бы к покровительству ангелов шестой ступени — Престолам или, не знаю, Силам — для достижения достославной победы, как известно даровавшей Португалии независимость. А дело было

¹ Имеется в виду строчка из эпопеи Луиса де Камознса «Лузиады» (*Os Lusíadas*, 1556): «Неверным, Господи, яви себя, неверным!» («Aos infíéis, Senhor, aos infíéis!»).

так — дону Эгасу Монизу, дядьке малолетнего Афонсо, явилась Дева Мария, явилась и сказала ему: дон Эгас Мониз, ты спишь, что ли, на что он, сам не зная, во сне это все или наяву, задал наводящий вопрос: Сударыня, кто вы, а та отвечала приветливо: Пречистая Дева, и я повелеваю тебе отправиться в Каркере, что в уезде Резенде, там начать раскопки и найти некогда заложенную в мою честь церковь, а также мой образ, потом привести его в порядок, в божеский вид, ибо он после стольких лет заброса и небрежения очень в этом нуждается, а потом устрой бдение, после чего положи младенца на алтарь и знай, что в ту же секунду исцелится он и будет здоров, тебе же надлежит ходить за ним и впредь, ибо я знаю, что Сын мой намерен поручить ему сокрушение врагов веры, а это, само собой разумеется, нельзя совершить с недоразвитыми ногами. Дон Эгас Мониз пробудился в великом веселье, созвал своих людей, сел на мула и поскакал в Каркере, где приказал копать в месте, указанном Пречистой, однако никакой церкви там не нашел, что удивительно нам, а не ему, ибо в те благословенные времена и в голову бы никому не пришло усомниться в обоснованности или истинности уведомлений свыше. Объяснялось же дело тем, что не в точности была исполнена воля Пречистой, велевшей ему копать собственными руками, а он, само собой, отдал приказ рыть другим — крепостным, надо полагать, крестьянам, ибо уже в те времена существовало такое вот социальное неравенство. Возблагодарим же Пресвятую Деву за то, что она, не оказавшись щепетильно-обидчивой, снова не укоротила отросшие было ножки младенцу Афонсо, поскольку иные чудеса благо творят, а иные — зло действуют, о чем могли бы свидетельствовать те несчастные евангельские свиньи, которые кинулись в морскую пучину, когда Иисус в неизреченной доброте своей вселил в них бесов, изгнанных предварительно из тела, ими обуюянного, в результате чего мученическую кончину приняли ни в чем не повинные животные, и только они,

потому что несколько ранее не погиб, насколько нам известно, ни один из мятежных ангелов, ставших демонами и за это низринутых с гораздо большей высоты, и это непростительная непредусмотрительность со стороны Господа Бога нашего, который по своей беспечности упустил возможность раз и навсегда покончить со всей этой породой, а ведь недаром предостерегает поговорка: Кто милует врага, тому жизнь недорога, и дай-то бог, чтобы Ему однажды не пришлось спохватиться и раскаяться — да поздно будет. И все равно давайте, что ли, уповать, что если в тот роковой миг Он еще успеет припомнить прошлое, то просветлеет разумом и сумеет понять, что должен был бы освободить нас всех, уязвимых и хрупких свиней и людей, от тех пороков и грехов и мук неудовлетворенности, которые, как говорят, суть дело рук Лукавого и след его присутствия. Между молотом и наковальней мы подобны куску раскаленного железа, которое остывает оттого, что очень сильно бьют его.

Ну, Священной истории пока что хватит. Теперь хотелось бы знать, кто же это так великолепно описал пробуждение муэдзина на лиссабонском рассвете, кто же уснастил описание таким множеством реалистических подробностей, что кажется, будто рассказчик своими глазами наблюдал все это или, по крайней мере, умело использовал какой-то документ той эпохи, причем не обязательно относящийся именно к Лиссабону, поскольку для произведения должного эффекта не требуется ничего, кроме города, реки и ясного утра — композиции, как видим, довольно банальной. Ответ же: Никто не описал, несказанно удивит спрашивающих, ибо все это, хоть и кажется описанием, вообще не было написано, а лишь клубилось чередой смутных образов в голове корректора, покуда он вычитывал рукопись и исправлял опечатки и ошибки, пропущенные при первой и второй корректурах. Есть у него такой примечательный дар перевоплощения, вот он

ставит значок вымарки или совершенно бесспорную запятую, а сам одновременно с этим, уж извините за выражение, гетеронимизируется, обретая способность двигаться по пути, проложенному какой-нибудь картинкой, или сравнением, или метафорой, и нередко бывает так, что и самый звук какого-нибудь слова, повторенного вполголоса, побуждает его по ассоциации воздвигать полифоничные словесные громады, тысячекратно увеличивающие пространство его кабинетика, как ни трудно объяснить в простых словах, что это значит. Вот и сейчас помстилось ему, что историк напрасно ограничился столь скупым описанием муэдзина на минарете, введя, по-нынешнему говоря, так мало местного колорита в стан или лагерь — ах, вот и семантическая неточность, ибо лагерь применяется скорее по отношению к осаждающим, а не к осажденным, которые пока что с большими удобствами расположились за стенами города, принадлежащего им, пусть и с одним-другим перерывом, с семьсот сорока четвертого года, по христианскому, уточним, летоисчислению, ибо на мусульманских четках, как известно, другие бусины нанизаны. Эту поправку сделал сам корректор, обладающий более чем достаточными сведениями относительно календарей, а потому знающий, что хиджра началась, согласно книге, совершенно необходимой книге под названием Умение Проверять Даты, шестнадцатого июля шестьсот двадцать второго года от Рождества Христова, сокращенно — А. Д., причем не следует забывать, что мусульманский календарь связан с лунными циклами и, следовательно, короче того, что принят у христиан, ориентирующихся на солнце. А потому, по-хорошему-то, дотошный корректор, рукопись вычитывая, вычитает по три года из каждого прошедшего столетия, то есть норовит подрезать крылышки вольному и безответственному полету фантазии, меж тем как здесь мы видим грех содействия, если не соучастия, потворство очевидным ошибкам

и сомнительным утверждениям — в данном случае вызывает большие сомнения цифра три, — каковые со всей определенностью доказывают, что автор не имел ни малейших оснований легкомысленно и необдуманно советовать корректору посвятить себя истории. А уж философии — вообще боже упаси.

Если идти от конца к началу этого фрагмента, сразу же столкнемся с распространенным заблуждением насчет того, что на каменном парапете минарета имеются некие стреловидные метки, указывающие в сторону Мекки. Сколь бы развиты ни были в ту эпоху география и агрокультура у арабов и прочих мавров, представляется весьма сомнительным и маловероятным, что они умели определять, да еще с подобной точностью, местоположение Каабы на планете, где именно камни — один другого священной — представлены в изобилии необычайном. Впрочем, все эти дела — битье поклонов, паданье ниц, коленопреклоненья, возведение очей горе или, наоборот, долу — не очень-то важны, а важно в конечном-то счете, чтобы Господь и Аллах могли читать в наших сердцах и не истолковали превратно, если по невежеству своему — своему в той же мере, что ихнему, — мы повернемся к ним спиной, поскольку далеко не всегда пребывают они там, где быть обязывались. Неудивительно, что корректор, человек своего времени, приученный и доверять, и крепко верить знакам и меткам, поддался искушению пропустить этот анахронизм, пусть даже и — вспомним и примем в расчет муэдзинову слепоту — побуждаемый к этому милосердием. Давно уж и не нами сказано, что есть пятна на солнце и на тонком суконце, более того, именно на брюках хорошего сукна бутерброд, упавший, разумеется, маслом вниз, оставляет особенно заметное пятно, так что беда одна не ходит, и вот уж за первой ошибкой идет и вторая, вторая — и грубая, ибо если непредубежденный читатель прочел бы то, что пока еще, слава богу, не напечатано, то счел бы достоверным и точным и описание

пробуждающегося муэдзина. Ошибочка, сказали мы, поскольку не упомянуто, что этот самый муэдзин, прежде чем призвать правоверных на молитву, совершил ритуальные омовения, то есть, выходит, к дальнейшим действиям приступил в состоянии телесной нечистоты, что совершенно невероятно и неправдоподобно, особенно если учесть, как близки мы в этом тексте к первоначальному истоку ислама: всего-то четыре с лишним века назад родился он, лежит еще, можно сказать, в колыбели. Разумеется, впереди будет еще множество послаблений и потачек, вольных толкований правил, которые прежде казались ясней ясного, ибо нет ничего утомительнее, чем жесткая неукоснительность норм и законов, вот ведь и плоть еще не сдалась, а дух уж изнемог, однако с него не взыскивают, а вот ее, бедняжку, оскорбляют и поносят, на нее клеветуют. Стало быть, действие происходит еще во времена веры всеобъемлющей и *безызынной*, и уж наверно муэдзин будет последним, кто дерзнет подняться на минарет не с чистой душой и вымытыми руками, ну и, стало быть, сим возвещается всем, кому знать надлежит, что вины, по непростительному легкомыслию возведенной на него корректором, на нем нет. Несмотря на профессиональную компетентность, выказанную им, как мы слышали, в беседе с историком, сейчас самое время задуматься о том, сколь пагубные последствия может возыметь доверие, оказанное корректору автором Истории Осады Лиссабона, который то ли от небрежности, порожденной усталостью, то ли от хлопот, связанных с предстоящим путешествием, вверил чтение третьей корректуры исключительно попечению мастера вымарки и вставки, вверил, да не выверил. Мы содрогаемся от ужаса при одной мысли, что такое описание муэдзинова утра могло злокозненно просочиться в научный текст автора, который — текст, разумеется, но, впрочем, в меньшей степени и автор — есть плод напряженных штудий, глубоких

исследований, кропотливых разысканий, дотошно-придирчивых дискуссий. К примеру, вызывает обоснованное сомнение — хоть, впрочем, благоразумная осторожность рекомендует подвергать сомнению и само сомнение, — что историк упомянет в своем тексте собак и присущий им лай, поскольку должен бы знать, что в глазах араба собака наравне со свиньей — животное нечистое, и допустит, таким образом, вопиющее невежество, предположив на миг, что столь рьяные поклонники Пророка, как лиссабонские мавры, потерпели бы вблизи от себя псарни и своры. Будку сторожевого пса у ворот дома или плетеную корзиночку комнатной собачки измыслили христиане, и совсем даже не случайно мусульмане называют крестonosцев собаками и хорошо еще, что не свиньями, ну или, по крайней мере, об этом нет свидетельств. Совершенно очевидно, что если так оно и обстоит на самом деле, признаем с глубоким сожалением, что нельзя больше рассчитывать на милоту собаки, которая воеет на луну или чешет измученное клещом ухо, но истину, раз уж мы наконец ее обрели, надлежит ставить превыше всех и всяческих соображений, подтверждает ли она их или опровергает, а потому мы были бы обязаны здесь же, не сходя с места, вымарать слова, описывавшие последний мирный рассвет над Лиссабоном, если бы не знали, что этот фрагмент текста — лживый, хотя изложенный убедительно и внятно, в чем, между прочим, и состоит главная его опасность, — существовал лишь у корректора в голове, никогда ее не покидал и был не более чем его выдумкой, столь же смехотворной, сколь и неправдоподобной.

Итак, доказано, что корректор ошибся, не ошибся, а спутал, не спутал, а навообразил себе невесть что, но пусть первым бросит в него камень тот, кто никогда не ошибался, не путал, не давал волю своему воображению. Человеку, утверждал некто понимающий, свойственно ошибаться, а из этой формулы следует, если не понимать

ее буквально, что тот, кто не ошибается, как бы не вполне человек. Впрочем, подобная максима не может применяться в качестве универсальной отмазки, оправдывающей любого за кривые суждения и косые мнения. Не знаешь — смири гордыню да спроси, справься, а уж корректор и подавно не должен пренебрегать этой простейшей предосторожностью, тем более что ему и из дому не надо выходить, а потому не надо, что в кабинетике, где он сейчас работает, в изобильном разнообразии представлены книги, которые просветили бы его, прояви он благоразумие и предусмотрительность и не обманись полнотой своих познаний, от которой проистекают худшие обманы, объясняющиеся уже не только невежеством. На этих сдвоенных стеллажах тысячи и тысячи страниц только и ждут искры первоначального любопытства, чтобы испустить ровный свет, так нужный сомнению, чтобы проясниться или рассеяться. Поверим, короче говоря, корректору, что за немалую жизнь собрал он многочисленные и разнообразные источники информации, хотя с первого беглого взгляда можно установить, что книг по информатике в этой гробнице как раз и нет, но ведь, к сожалению, денег на все не хватит, а его профессия — пора наконец сказать об этом прямо — одна из самых низкооплачиваемых. Придет день — если, конечно, будет на то воля Аллаха, — когда каждый издательский корректор получит в свое распоряжение компьютер, круглосуточно, будто некой пуповиной соединенный с общим банком данных, и тогда ему, как и всем нам, останется только желать, чтобы, как дьявол в монастырь, не вкралась искусительница-ошибка и в эти кладези универсальных знаний.

Но покауда не пришел этот день, здесь, подобно пульсирующей галактике, живут книги, а внутри них космической пылью реют слова, ожидая, когда чей-нибудь взгляд придаст им смысл или в них отыщет новое значение, ибо точно так же, как по-разному объясняют происхождение

Вселенной, так и фраза, прежде и всегда казавшаяся неизменной, неожиданно поддается новому толкованию, открывает возможность дремлющего в ней противоречия, обнаруживает ошибочность своей очевидности. Здесь, в этом кабинетике, где истина — не более чем лицо, скрывающее бесчисленное множество разнообразных личин, стоят обычные словари — двуязычные и толковые, Морайсы и Аурелиосы, Мореносы и Торриньясы, несколько грамматик, Учебник Образцового Корректора, справочник-путеводитель по этому ремеслу, но также и много томные истории искусства, и не только искусства, а мира вообще, истории римлян, и персов, и греков, и китайцев, и арабов, и славян, и португальцев, и вообще почти всех, кто вправе считать себя отдельным народом и нацией, стоят истории науки, литературы, музыки, религий, философий, цивилизаций, Малый Ларусс, краткий Кийе, сокращенный Робер, энциклопедии — Политическая, Лузо-Бразильская, неполная Британская, Исторический и Географический Словарь, старинный Атлас Мира, составленный Жоаном Соаресом, Всеобщий Словарь Выдающихся Деятелей Современности, Всеобщий Биографический Словарь, Справочник Книгоиздателя, Словарь Античной Мифологии, Лузитанская Библиотека, Словарь Географии Сравнительной, Древней, Средневековой и Современной, Исторический Атлас Современных Исследований, Всеобщий Словарь Литературы, Искусств и Наук Моральных и Политических и, наконец, в завершение — нет, не всего каталога этой библиотеки, а лишь тех книг, что на виду, — Всеобщий Словарь Истории и Мифологии, Древней и Современной Географии, Достопримечательностей и Учреждений Греческих, Римских, Французских и Иностраных, причем не забудем еще и Словарь Редкостей, Курьезов и Невероятий, где по восхитительному совпадению приводится ошибочное утверждение мудреца Аристотеля о том, что, мол, у мухи домашней

обыкновенной — четыре лапки, каковую арифметическую ампутацию авторы повторяли на протяжении многих веков, и хотя об истинном числе мушиных лапок известно даже малым детям, ибо уже давным-давно, от времен Аристотеля, с жестокостью, присущей естествоиспытателям, они эти лапки отрывают, сладострастно считая: одна, две, три, четыре, пять, шесть, те же самые дети, став взрослыми и прочитав древнегреческого философа, говорят друг другу: У мухи четыре лапки, и вот какова сила авторитета, и вот как страдает истина от него и от уроков, которые они вместе постоянно дают нам.

И пусть этот неожиданный экскурс в энтомологию докажет нам, хоть и не слишком убедительно, что корректор порой терпит за чужие грехи, а ошибки эти вовсе не им допущены, но почерпнуты из книг, которые снова и снова повторяют без проверки древние истины, и как же тут не пожалеть того, кто пал жертвой собственного легковерия и чужих ошибок. Ну да, конечно, проявляя такую снисходительность, мы применяем универсальное оправдание, уже заклеянное выше, но делаем это не без известного умысла, и ведь могло бы выйти так, что корректор, на свое счастье, усвоил бы великолепный урок, который преподавал нам Бэкон, другой философ, в книге под названием Новый Органон. Он разделил ошибки на четыре категории — *idola tribus*, или ошибки, свойственные всему роду человеческому, *idola specus*, или ошибки, присущие отдельным людям, *idola fori*, или ошибки языковые, и, наконец, *idola theatri*, или ошибки систем. В первом случае они проистекают от несовершенства чувств, от влияния предрассудков и страстей, от привычки судить на основании приобретенных идей, от нашего неутолимого любопытства, выходящего за пределы, положенные нашему разуму, от стремления находить подобия там, где их нет, или преувеличивать сходство между явлениями. Во втором — источник ошибки лежит в различиях

между умами, из коих одни тонут в немыслимых подробностях, а другие тяготеют к неоправданным обобщениям, а также — в предпочтении, которое отдаем мы одним наукам перед другими и которое склоняет нас все сводить к нашему излюбленному. В третьем случае, то есть в ошибках языковых, корень зла в том, что слова зачастую лишены смысла вовсе, или несут смысл неопределенный, или слишком легко поддаются различному толкованию, и, наконец, в четвертом случае мы имеем дело с ошибками систем, а их начнешь перечислять — не кончишь никогда. Ну ладно, да здравствует и процветает владелец этого каталога, но пусть все же во благо себе руководствуется сентенцией Сенеки, где сквозит столь подходящая к нашему времени недоговоренность: *Onerat discentem turba, non instruit*, сентенцией, которую много лет назад матушка нашего корректора, латынью не владевшая вовсе, а родным языком — с грехом пополам, перевела с незамутненным пониманием философии скептицизма: Больше чтения — меньше разумения.

Но кое-что все же уцелело от нашего перемешанного с возражениями анализа, и следует признать, что, написав — потому что все же, как ни крути, топором это не вырубешь — о слепоте муэдзине, корректор не ошибся бы. Историк, только упомянувший минарет и муэдзина, должно быть, не знает, что и в те времена, и много лет спустя почти все муэдзины были слепы. А если и знает, то воображает, наверно, будто призывать к молитве — это особое призвание слепцов или что мавританские общины таким образом частично — как всегда делалось и делается по сию пору — решили проблему трудоустройства тех, кто лишен бесценного дара зрения. И допущенная одним человеком ошибка теперь неизбежно касается всех. Усвойте же — историческая истина заключается в том, что муэдзинов выбирали среди слепых, исходя вовсе не из человеколюбивых побуждений и не из принципов

профессиональной пригодности, а потому лишь, что слепец не смог бы с господствующей высоты минарета вторгнуться нескромным взглядом в сокровенное пространство внутренних двориков и бельведеров. Корректор уже не помнит, откуда он узнал об этом, наверняка вычитал в какой-нибудь заслуживающей доверия книге, в которую время не сумело внести правку, а потому и может теперь настаивать, что муэдзины были слепыми, были, вот и весь сказ. Почти все. Вот только когда порой мысли его возвращаются к этому, он не может отрешиться от сомнений, а от себя отогнать мысль о том, что людям этим, быть может, гасили свет очей, выкалывая их, как поступали — и сейчас еще поступают — с соловьями, чтобы свет этот для них не имел иного выражения, кроме звучащего во тьме голоса, их собственного или, если повезет, того Иного, умеющего лишь повторять придуманные нами слова, которыми тщимся мы выразить все: и проклятие, и благословение, все, что можно и даже что нельзя — нельзя ни выразить словами, ни назвать по имени.

А у корректора имя есть, и имя это — Раймундо. Пришла пора узнать, как зовут человека, о котором мы отзывались так нелицеприятно, если, конечно, от имени есть какой-нибудь прок, в добавление к уже полученному от прочих примет — возраста, роста, веса, морфологического типа, цвета кожи, цвета глаз, цвета волос и того, прямые они, волнистые, курчавые либо отсутствующие вообще, тона голоса, хрипловатого или звонкого, характерных жестов, походки, — поскольку на основании опыта человеческих взаимоотношений можно утверждать, что знание и всего этого, а иногда и многого-многого другого, ничем нам не помогает, а представить, чего же нам не хватает, мы не в силах. Быть может, какой-то морщинки, формы ногтей или бровей, или толщины запястья, или давнего, невидимого под одеждой шрама — или всего лишь фамилии, которую мы пока еще не успели произнести, и вот

наибольшую-то ценность имеет фамилия, в данном случае — Силва, а целиком, значит, будет Раймундо Силва, именно так, когда надо, представляется корректор, опускающая второе свое имя — Бенвиндо¹, потому что оно ему не нравится. Никто, как водится, не доволен своим уделом, это истина общеизвестная, и, казалось бы, Раймундо Силва более всего должен бы ценить свое второе имя Бенвиндо, поскольку оно точно передает то, что имелось в виду, — добро пожаловать на свет, сынок, — а вот поди ж ты, недоволен и говорит, хорошо еще, мол, что угасла традиция, в соответствии с которой над деликатным вопросом ономастики ломать голову приходилось крестным родителям, зато быть Раймундо ему очень нравится, потому что в этом имени неуловимо сквозит некое старинное велеречие. Надеялись родители, что от дамы, приглашенной в восприемницы, младенец в будущем унаследует толику ее достатков, и по этой причине, нарушив обычай, предписывающий называть младенца только в честь крестного отца, прибавили новорожденному и имя крестной, переведя его в мужской род. Нам ли не знать, что судьба не на все отзывается с одинаковым вниманием, но в данном случае нельзя не признать существование некой, извините, корреляции между так и не доставшимся Раймундо наследством и именем, от которого он столь решительно отбрыкивался, хотя, впрочем, не стоит усматривать прямую причинно-следственную связь между разочарованием и отвержением. И то, что на каком-то этапе жизненного пути казалось Раймундо Бенвиндо Силве мстью злопамятных Небес, ныне сделалось неприятностью чисто эстетической, поскольку, на его вкус, два рядом стоящих герундия — нехорошо, ну и еще, так сказать, этико-онтологической, потому что при своем безотрадно-разочарованном взгляде на действительность иначе как горчайшей насмешкой не мог он счесть мысль

¹ От *португ.* bem vindo — добро пожаловать.

Литературно-художественное издание

ЖОЗЕ САРАМАГО
ИСТОРИЯ ОСАДЫ ЛИССАБОНА

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Светлана Федорова, Сергей Брылев
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.09.2016. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAUM1775601R